

Утром, едва Вэй Цин появился на съёмочной площадке, как тут же заметил Чжан Юньлуна, который с плутовской улыбкой зазывал его к себе. Вэй Цин нехотя подорогался ближе.

— Лянь ещё не приехал?

— Должен скоро быть.

Они приехали на съёмки на разных машинах. Если бы они заявили вместе на одном автомобиле, это тут же стало бы горячей новостью для желтой прессы.

— Кстати, режиссер Чжан, а как вы познакомились с Лянем? Неужели вы любитель посмотреть... — с напускной серьезностью и недобрым огоньком в глазах пошутил Вэй Цин.

— Эй, нет-нет... — Чжан Юньлун замахал руками. — Вообще-то, когда я только познакомился с Лянем, я понятия не имел, что он снимается в гей-порно.

Разве такое угадаешь...

— Некоторое время назад я плохо себя чувствовал и каждый день ходил гулять в парк возле дома. И вот я заметил, что каждый вечер там сидит на качелях какой-то парень — один-одинешенек, сидит и ничего не делает. Мне стало ужасно любопытно, и однажды я нарочно прошел мимо него, бросив украдкой взгляд. И тут меня просто поразило: я отроду не видел парней с такой невероятной красотой. Позже, когда я получил сценарий от учителя Лянь Лина, он был первым, о ком я вспомнил.

— И вы решили к нему пристать?

— ...Ну как это — пристать? Звучит так, будто я какой-то старый развратник.

А как еще назвать попытку заговорить на улице...

— Но, если я правильно помню, ваш дом находится в Западном районе?

— Да.

— Однако Лянь ведь живет в Восточном районе, верно? — Позавчера Вэй Цин подвозил его домой и помнил, что тот жил на улице Цюйюй в Восточном районе. Восточный и Западный районы находились на противоположных концах города — неужели была нужда ехать так далеко ради прогулки в парке?

— О чем это вы тут шепчетесь? — Подойдя ближе, Лянь расслышал лишь то, как Вэй Цин

упомянул его имя.

— О, Лянь, ты пришел! А Цин тут как раз спрашивал, как мы с тобой познакомились.

— Да? — Лянь бросил взгляд на Вэй Цина, а тот смущенно отвернулся, в душе проклиная длинный язык Чжан Юньлуна.

— Да режиссер Чжан только что обмолвился, что ты любишь ходить в парк возле его дома.

Вэй Цин посмотрел на Ляня: на лице того застыла неизменная улыбка. Всё та же, всё та же, неизменно таящаяся на губах. Ладно, Вэй Цин признавал поражение и благоразумно сменил тему:

— Похоже, реквизит для съемок уже полностью готов?

— Ах да, давайте-ка оба бегом переодеваться! — Чжан Юньлуан подтолкнул обоих к гримерке и поспешил заняться остальными делами.

Съемки шли на редкость гладко. Актерское мастерство самого Вэй Цина не вызывало никаких сомнений, поэтому с самого начала все больше внимания уделяли Ляню. Поскольку Лянь пришел из индустрии фильмов для взрослых, в его сфере деятельности тонкости актерской игры были попросту не нужны; к тому же его прошлое было окутано тайной, а нрав отличался холодностью. При этом персонаж, которого он играл — Чжоу Пинь, — был избалованным, капризным мальчишкой, вечно норовившим закатить истерику. Никто, включая режиссера Чжана, который так настойчиво продвигал Ляня на эту роль, и помыслить не мог, что у обладателя столь смазливой мордашки окажутся еще и актерские способности, превосходящие любые ожидания. Поэтому игра Ляня в итоге превзошла все мыслимые надежды съемочной группы.

Любопытствующие сотрудники съемочной группы не раз пытались в перерывах расспросить его о прошлом и происхождении, но он каждый раз неизменно и мастерски переводил тему. После нескольких таких попыток всем стало очевидно, что расспросы ему неприятны, и больше никто не лез к нему с глупыми вопросами.

Если не считать рабочих часов, совместная жизнь Вэй Цина и Ляня была на редкость уютной и комфортной. Вэй Цин от природы привык жить на широкую ногу, как избалованный господин, и теперь, когда о нем так заботились, а о трех приемах пищи в день не приходилось и думать, он чувствовал себя как рыба в воде и наслаждался каждым моментом. Что же до Ляня... Он привык жить один, так что присутствие второго человека в доме особого тяготения не добавляло. К тому же у Вэй Цина были прекрасные привычки: он не курил и не злоупотреблял алкоголем. И хотя в бытовых вопросах он оставался круглым невеждой, мягкий и заботливый нрав делал совместное проживание вполне беспроблемным — по крайней мере, на первый взгляд.

Поужинав, Вэй Цин с комфортом устроился на диване с киносценарием в руках, зубря реплики. Секрет невероятной популярности Вэй Цина крылся не только в его выдающейся игре и смазливой внешности, но и в невероятном, скрупулезном отношении к работе — будь то грандиозный проект или совсем мелкая подработка. Он мог потратить несколько часов на подготовку крошечной реплики для проходного развлекательного шоу. А если он никогда не забывал слова песен, то вовсе не из-за сверхъестественной памяти, а потому, что неизменно тратил на заучивание текста в несколько раз больше времени, чем остальные. Нередко поговаривали, будто Вэй Цин пробился наверх исключительно благодаря внешности и происхождению, но все, кто знал его близко, прекрасно понимали: всего, чем он обладал сегодня, он добился исключительно собственным трудом.

Один известный своей придирчивостью кинокритик как-то написал в своей колонке: как кинозвезда, Вэй Цин обладает таким внутренним стержнем и обаянием личности, которые в определенном смысле давно превзошли его внешнюю привлекательность для широкой публики.

Именно такую картину застал Лянь, выйдя из ванной. Вэй Цин сидел на диване, сценарий лежал на журнальном столике; зажав в руке ручку, он что-то бормотал про себя и делал пометки на страницах. Поскольку столик был низким, а сам Вэй Цин — высоким, ему приходилось сильно сгибаться в три погибели, из-за чего в профиль он напоминал огромную вареную креветку.

Лянь тихонько усмехнулся, прошел на кухню, заварил чашку кофе и поставил перед ним.

— Спасибо. — Внезапно появившаяся чашка заставила Вэй Цина вздрогнуть от неожиданности, но он быстро взял себя в руки, с улыбкой принимая кофе.

— Почему ты не сядешь за рабочий стол?

— Крутящийся стул не такой мягкий, как диван. Диван мне нравится больше.

Лянь улыбнулся, опустился на противоположный диван и непринужденно взял из фруктовой вазы яблоко — его они купили вчера в супермаркете. Сделав пару жующих движений, он вдруг заметил, что Вэй Цин пристально смотрит на него. Инстинктивно проведя пальцем по уголку рта и убедившись, что там не осталось никаких корочек, Лянь озадаченно спросил:

— Что такое?

— Ничего. — Уголки губ Вэй Цина тронула усмешка, от которой у Ляня зародилось смутное предчувствие какой-то мелкой пакости. — Тебе случаем не говорили, что нельзя есть яблоки на глазах у других людей?

— Это еще почему? — любопытно поинтересовался Лянь, которому никогда раньше не доводилось слышать подобного.

— Потому что, когда человек кусает яблоко, движение губ очень сильно напоминает... призыв... к... поцелую... — Вэй Цин намеренно протянул последние слова.

Лянь замер на пару секунд, прежде чем до него дошло, что его... только что откровенно соблазнили?!

Он посмотрел на Вэй Цина, который, спрятав улыбку, отпивал кофе, чтобы скрыть торжество. Слегка прикусив губу, Лянь внезапно подался вперед и нарочито понизил голос, шепнув прямо на ухо Вэй ЦИНУ:

— Ну что, хочешь попробовать поцеловаться?

Вэй Цин чуть не выплеснул кофе прямо на сценарий. Рефлекторно отпрянув назад, он от неожиданности резко втянул воздух и подавился глотком кофе, угодившим не в то горло.

— Кхе... Кхе-кхе-кхе-кхе!

Лянь с ангельским выражением лица протянул ему салфетки и участливо произнес:

— Бедный ребенок, как же ты умудряешься так легко подавиться?

И кто в этом виноват... Вэй Цин кашлял так, что не мог вымолвить ни слова, и лишь яростно сверлил Ляня глазами, мысленно поливая его последними словами. Жить под одной крышей с этим типом — настоящее испытание для сердца! К тому же от его голоса в памяти невольно всплыли кадры из того самого гей-порно... Будь проклят Линь Юй!

Сидевший дома и наслаждавшийся бездельем и просмотром телевизора (поскольку обязанности няньки остались в прошлом) Линь Юй вдруг громко чихнул. Самодовольная ухмылка тронула его губы: наверняка Вэй Цин снова кроет его последними словами. Почему он был так уверен? Да потому, что Вэй Цин ругал Линь Юя только тогда, когда попадал в дурацкое положение. Стоило Линь Юю услышать ругань в свой адрес, как он сразу понимал: Вэй Цин снова вляпался в неприятности. Поскольку такие моменты выпадали нечасто, он бережно складывал каждое воспоминание в копилку, чтобы изредка подразнить друга ради бесконечного удовольствия.

Психологию Линь Юя Лянь сейчас понимал как нельзя лучше. Для него Вэй Цин был существом совершенно неизведанным и поразительным: некоторые его реакции казались донельзя потешными и совершенно не вязались с тем впечатлением, которое он производил обычно. В каком-то смысле Вэй Цин принадлежал к числу созданий, казалось бы, давно вымерших в дикой природе. Поистине, он представлял собой объект величайшей исследовательской ценности!